

Прага

27 марта 1919 г.

На днях Чешско-русское общество² выступило с заявлением, в котором уже ощущалась крайняя необходимость. С заявлением о том, что наше отношение к России нужно основывать на действительном знании России и обстановки в ней, т. е. только оно может подготовить наших людей к извлечению из этой обстановки возможного и желательного. Это было действительно слово, сказанное вовремя, не только в материальных интересах наших предприимчивых одиночек, не только в интересах предстоящего, важного для нашей судьбы определения политической позиции в отношении России, но и в интересах нашей собственной отечественной культуры, которая при отсутствии соответствующего отношения к России, собственно говоря, сама больна и разлагается. Это слово явилось крайне своевременным именно сейчас еще и потому, что в нашей стране уже опасно растет стремление наиболее удобно решить русский вопрос, по сути никак не решать его, т. е. стремление просто сбегать от этой проблемы. Недавно одна наша журналистка в самой распространенной чешской газете выразила это с максимальной ясностью³. Говоря о русской пьесе «Ревнивая», поставленной Виноградским театром, она заявила, что после того, как Россия разочаровала нас, мы утратили всякий интерес и к русской литературе, что до войны она была интересна нам лишь пленительностью чего-то особенного, чужого, которая сейчас, дескать, полностью исчезла и т. д. Я не переоцениваю чрезмерно, но и не недооцениваю это высказывание, т. к. то, что здесь было искренне написано, говорят сейчас у нас тысячи людей. Это вызывает чувство боли, т. к. указывает на то, что до войны и в годы войны наше русофильство было абсолютно пустым, что в действительности и культ русской литературы был для многих лишь модой, а не убеждением. Ведь только этим можно объяснить то, что вдруг ее сбрасывают подобно пиджаку, который можно сразу заменить другим, ныне, как правило, английским. Поэтому тот, кто знал Россию и думал о ней, должен выступить против этого и ясно заявить, что Россия, как и прежде, остается для нас таким же важным, нашим, чешским вопросом. Более того, что только теперь русский вопрос предстает перед нами во всей своей значимости как вопрос, имеющий жизненное значение для будущего чешского народа.

Каждому, кто не судит лишь по минутному настроению общественного мнения, причины этого понятны. Ведь в связи с Россией на карту поставлена вся наша славянская политика как внешняя, так и внутренняя. А славянская политика является и должна быть не только красивым фасадом, но и важной основой чешской политики. Наш народ понимал это в лице своих лучших представителей в течение всего периода своего возрождения и потому всегда проявлял глубокий интерес к русским делам. Он понимал, что речь идет также о делах чешских. Причем не в том смысле, что русский дядюшка должен помогать нам. Ни в коем случае. Наши лучшие люди думали о несравненно более важных вещах. Ведь Гавличек так ненавидел ту русскую власть, не был ее почитателем и Палацкий, но оба они в глубине души своей так горячо любили Россию, эту народную, славянски загадочную, огромную Россию. Этому чувству остался верен и Масарик,

с самого начала искавший и находивший в русской душе нечто такое, что освобождало его чешскую душу, независимо от того, противилась она этому или сочувствовала. И это понимает почти каждый из нас, кто погружался в русскую литературу, стремясь найти в ней эту ее особую славянскую душу, кто спешил на Русь с желанием почувствовать на себе влияние души русского народа. Это живет в нас, и ничто: никакая проигранная война, никакое дипломатическое разочарование не могут лишить нас того, что является частицей нашей собственной души. Поэтому, как и прежде, мы любим Достоевского и Толстого, находим там лекарство от губительного людского горя так, как находили его прежде, мы, как и прежде, видим в них русских людей и поэтому чувствуем их славянские души, как и прежде.

Россия разочаровала! Как зло звучит это слово, когда его бросают в адрес нации в минуты ее несчастья! Разве мы разочаровали мир после тридцатилетней войны, когда опустошенные и утратившие смысл жизни мы, так сказать, были вычеркнуты из числа наций, имеющих значение для человеческой культуры? Как бы мы обрушились — и справедливо — на того, кто бросил бы нам тогда такой упрек. Но есть еще и другой вопрос. Действительно ли Россия разочаровала нас? Разве она, неподготовленная и невооруженная, не вступила в грандиозную борьбу с крупнейшей военной силой и не добилась удивительных результатов? Разве Россия своей революцией не осуществила крупнейшую освободительную акцию в ходе войны, результаты которой именно мы ощутили в таких масштабах, что русской революцией мы можем, так сказать, датировать начало своего собственного освобождения? И уверены ли мы достаточно определенно, что и нынешняя борьба русского народа за новое общественное устройство мира, какова бы ни была ее конкретная программа и методы, является всего лишь злом и мерзостью? Мы до сих пор не знаем, каким будет новый мир XX века, который должен создаться из нынешнего хаоса. Так кто же может уже сейчас утверждать, что в борьбе за этот новый мир Россия не займет почетное место борца, который, хотя и не одержал победу, хотя и шел ошибочным путем, все же был одним из первых, кто показал, что необходимо искать новое общественное устройство. Ведь и тирания Робеспьера казалась современникам в высшей степени омерзительной и все же не смогла лишить французов славы тех, кто первыми поднялся на борьбу за освобождение разума и таким образом подготовил общественное развитие XIX в. Все это могло бы по крайней мере подсказать нам, что нельзя судить так легко и поспешно. Ведь даже лучшим умам нашего мира нелегко разобраться в событиях, так можем ли мы судить так легко?

Вместо того, чтобы судить и осуждать, будем же лучше познавать! Для человека Запада и для нас Россия является неисчерпаемым источником познания, так идемте же и будем учиться. Будем же и впредь знакомиться с русской литературой, может быть, сейчас мы еще лучше, чем прежде, почувствуем в ней русскую национальную философию, т. к. мы сможем многое понять в ней еще глубже и яснее. Будем же знакомиться и с нынешней русской жизнью, наблюдать ее без предвзятости, глазами тех, кто хочет найти в ней не только зло, но и добро, поскольку ни одна нация, тем более русская, не может рождать только зло и никакого добра. К сожалению, для этого мы располагаем небольшими возможностями, т. к. из газетных фраз о положении в России не очень много узнаешь (уже пора проф. Максе издать свои весьма

поучительные записи о современном положении в России), но кто хочет, тот и здесь найдет пути к познанию. И, может быть, мы так научимся плакать со страдающей и блуждающей Россией и вместе с тем доверять России доброй, ищущей путь к спасению. И, может быть, к нам снова вернется вера, в которой мы нуждаемся в нашей собственной жизни, вера в то, что Россия не погибла, а живет, что в ходе дальнейшего развития народов Европы она не будет последней.

«*Ceská stráž*», Praha, 27. března 1919,
č. 12.

Перевод с чешского.

- ¹ Неудлы З. (1878—1962) — выдающийся чешский ученый, общественный и политический деятель.
- ² «Чешско-русское общество» возникло 22 февраля 1919 г. Организация ставила своей целью ознакомление чехословацкой общественности с жизнью в России. 23 марта 1919 г. в газ. «Народни политика» было опубликовано заявление, в котором подчеркивалось, что необходимо знать Россию такой, какой она является в действительности, и воспитывать интеллигенцию, рабочих и крестьян в духе необходимости работать в России. Среди подписавшихся под заявлением были известные писатели, работники искусства и ученые различных политических взглядов: Я. Бидло, Т. Бартошек, В. Дик, О. Фишер, Л. Яначек, А. Ирасек, Фр. Крейчи, П. Кржичка, Я. Квапил, Й. Махар, Э. Радл, Р. Свободова, Э. Воян.
- ³ Речь идет о статье О. Кастровой, опубликованной в газ. «Народни политика» 6 марта 1919 г., № 64, вечерний выпуск.

192

Донесение из Красноярска в штаб Иркутского военного округа о неблагонадежности 4-го чехословацкого полка

№ 724

28 марта 1919 г.

Красноярск

Сегодня есаул Кузнецов сообщил из Тайшета следующее: 4-й чешский полк неблагонадежен, заражен большевизмом. Стоит один батальон Зима, другой Нижнеудинске. Вчера чехи этого полка приняли парламентария красных, прибывшего из Конторского предложить чехам не действовать против красных, иначе чехов ожидает расправа. Парламентарий предложил чехам выслать 30 марта Конторское представителей на совещание. Парламентарий чехами отпущен. Агитаторы 4-го полка ездят к другим полкам. Есаул Кузнецов ожидает от 4-го полка всего худшего, просит спешно заменить его, иначе не ручается ни за что.

Капитан Афанасьев.

ЦГАСА. Коллекция документов.

193

Телеграмма председателя правительства Чехословакии К. Крамаржа министру внутренних дел А. Швегле с протестом против ведения переговоров с Советским правительством по поводу репатриации пленных

Париж

2 апреля 1919 г.

Решительно протестую против каких бы то ни было прямых связей с большевистским правительством и, следовательно, против телеграммы большевистскому правительству в Москве. Забота о наших,